

Из книги: Веселовский А.Н. Боккаччо, его среда и сверстники: Том 2. — СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1893-1894. стр. 214-237.

II.

Уже по самому настроению своему Книга об Именитых женах примыкает к Корбаччо, это как бы поправка к нему. В Корбаччо женщины глубоко принижены; если между ними являются великие и мужественные умы, то это ошибка природы¹; достойные женщины — редкость, которую подобает превозносить тем более, но в этих похвалах не находили надобности наши прадеды, да и нам не придется прибегать к ним: скорее почернеет лебедь, чем наши женщины обратятся на правый путь.

В *De Claris Muliribus* эта крайняя точка зрения смягчена и расширена: нравоучительное настроение то же, что и в Корбаччо, то же порицание любви, расточаются похвалы девственности, супружеской верности, но рядом с добродетельными женами являются и просто именитые, хотя бы и порочные, но порочные героически, замечательные умом, интересные своей судьбой, биографией, вообще прославленные. Как и в Корбаччо женщина поставлена ниже мужчины, тем больше возбуждает удивление стяжанная ею слава. Не нравственное содержание, а именно *слава* объединяет понятие «именитых женщин»; и добродетель, и порок одинаково вызывают нравственный урок, и, как в Декамероне, Боккаччо не избегает откровенности, приглашая читательницу сорвать розу, минуя шипы.

«Недавно, удалившись несколько от бездельной толпы и почти не занятый², я написал книжку в особую похвалу женского пола, на утеху друзьям, скорее, чем на великую пользу обществу»³. Так начинается посвяtitельное письмо Боккаччо к Андрее Аччяйоле⁴. Он колебался, к какой даме направить свой труд, чтобы ее именем обеспечить его успех в публике. Ему представилась королева Иоанна, «блестящее светило Италии, слава не только женщин, но и королей», именитая не только предками, а и своею собственною доблестью⁵; но его труд слишком мелок и ничтожен, и его полуживая искорка потускнела бы в блеске королевского величия — и, устранившись, он изменил своему намерению и обращает свой труд к Андрее Аччяйоле: ему

¹ Сл. *De Claris Mul.*, с. 91: по поводу Либерты *Epicaris*.

² *A caeteris fere solutes curis.*

³ *Reipublicae.*

⁴ Сл. выше т. I, стр. 186; т. II, стр. 212.

⁵ *Novis a se forti pectore quaesitis laudibus.*

припомнились ее почтенные нравы, целомудрие¹ — высокое украшение женщин, дар изящно слова² и сила ума, которыми она далеко превосходит остальных женщин, ибо что природа не дала слабому полу, то Господь восполнил в ней по своей щедрости; недаром ее имя Андрея, ибо **ἀνδρες** по-гречески то же, что по латыни мужи³. Пусть милостиво примет дар ученого⁴, его посвящение принесет ей в потомстве не менее славы, чем графские титулы, чтение вызовет к соревнованию с доблестями древних жен. Если ты встретишь сладострастное, примешанное к святине⁵, чего я не мог исключить⁶, исключить⁶, не опускай его и не ужасайся, а подобно тому, как, войдя в сад, ты протягиваешь белоснежные ручки⁷ к цветку, устраняя колючие шипы, так, отбросив нескромное⁸, собирай лишь достойное хвалы и подражания⁹; ты цветешь молодостью и красотой, не дай никому превзойти себя в добродетелях; ими умножается красота, а не притираниями¹⁰, как полагают многие женщины. Так поступая, ты не только обретешься в числе прославленных¹¹ в этой брэнной жизни, но, по милости подателя благ, приобщись по смерти к вечному свету. А мой труд, одобренный тобою, пройдет в люди, не боясь злословия¹², и вместе с славой других именитых женщин, распространит и твою, среди современников (ибо не всем ты можешь быть известна лично) и на веки.

В введении к своему труду Боккаччо объясняет, что было ему поводом приняться за него: о великих мужах писали многие, о замечательных женщинах никто — и это удивительно. Если они обнаружили мужественный дух, гениальность¹³ и доблесть подвига, они тем более достойны похвал, что по природе изнеженны¹⁴, слабы физически и недеятельны умом¹⁵. Вот этот недочет автор и желал восполнить: к женщинам добродетельным он присоединяет и тех, которых храбрость¹⁶, ум, изобретательность¹⁷,

¹ Honestatem eximiam.

² Verborum elegantiam.

³ Homines.

⁴ Scholastici hominis.

⁵ Lasciviam ... immixtam sacris.

⁶ Quod ut facerem recidendorum coëgit opportunitas (?).

⁷ Eburneas manus.

⁸ Obscenis sepositis.

⁹ Сл. тот же образ Дек. V, 10; Gen. Deor. XIV, 22. Сл. выше т. I, стр. 504, прим. 6.

¹⁰ Pigmentis.

¹¹ Fulgidas.

¹² Ab insultibus malignantium tutus.

¹³ Ingenio celebri.

¹⁴ Mollities insita.

¹⁵ Corpus debile ac tardum ingenium.

¹⁶ Audacia.

¹⁷ Industrie.

дары природы, либо счастливая или несчастная судьба сделала известными¹; наконец и тех, которые, лично не совершив ничего, достойного памяти, были для других великим побуждением к подвигам². Таким образом рядом с Пенелопой, Лукрецией, Сульпицией очутятся Медея, Флора, Семпрония, великие, хотя и вредоносные духом³, потому что, говорит Боккаччо, я разумею понятие славы⁴ не в тесном смысле доблести⁵, но с позволения читателей⁶, в более широком, почитая именитыми всех женщин, прославившихся, по общему отзыву⁷, каким бы ни было делом; ведь и среди Леонидов, Сципионов, Катонов и Фабрициев я часто встречал, читая, мятежных Гракхов, двуличного⁸ Аннибала, предателя Югурту, Силлу и Мария, обогранных кровью граждан, богатого и стяжательного Красса и тому подобных. Прославление того, что достойно похвалы, порицание недостойных, будет во славу доблестным⁹, на позор косных духом¹⁰; автор обещает перемежать свое повествование общими местами, поощрениями к добродетели¹¹, нареканиями против пороков, соединяя приятное с полезным. Рассказывать он будет не по старому¹² не кратко, а пространно, собирая все, что найдет в достоверных источниках, ибо это интересно не только женщинам, но и мужчинам, да и женщины по большей части не знают истории¹³, и им надлежит рассказывать подробно, они тем довольны. За исключением Еввы, все «святые женщины», еврейки и христианки, исключены из числа других славных: они к ним не подходят, им неравномерны¹⁴, ибо стремясь к вечной, истинной славе, следуя святым велениям и примеру своих наставников, они попрали человеческое естество¹⁵, тогда как те обнаружили силы своего духа, действуя по природному побуждению, влекомые жаждой земной славы¹⁶ или судьбой. Святые не только вечно прославлены, но и нашли достойных жизнеописателей; о тех, других, никто еще не говорил — и Боккаччо молит

¹ Notabiles.

² Causas ... maximas facinoribus praebuere.

³ Quibus praegrande sed perniciosum forte fuit ingenium.

⁴ Claritatis nomen.

⁵ Ut semper in virtutem videatur exire.

⁶ Bona cum pace legentium.

⁷ Orbi vulgato sermone.

⁸ Versipellem.

⁹ Generosis.

¹⁰ Ignavis.

¹¹ Lepida blandimenta virtutis.

¹² More prisco.

¹³ Ut plurimum historiarum ignarae sunt.

¹⁴ Nec aequo incedere videntur gradu.

¹⁵ Sese fere in adversam persaepe humanitatis tolerantium coegere.

¹⁶ Momentanei fulgoris cupiditate.

Господа благословить его труд¹, предпринятый во славу его.

Из 104 глав *De Claris Mulieribus*² первая отдана Евве, одна³ собственно еврейской еврейской древности, четыре⁴ средним векам, две⁵ близкому к Боккаччо времени, его современности; последняя глава посвящена королеве Джованне: ею кончается ряд именитых женщин, начатой Еввой. В заключение своей книги Боккаччо особо указывает на этот параллелизм; идти далее, в новое время, когда так мало достойных жен⁶, он не желал, если кого опустил, то и не имел в виду перечислять всех, если о ком сказал неладно, то объясняется это недостатком сведений⁷ и, может быть, излишним увлечением автора⁸, не мало потрудившегося над обработкою своего текста, чему свидетельством дошедшие до нас отрывки его первой редакции⁹.

Сведения принадлежат, главным образом, греко-римскому миру, почерпнуты из источников, какие доступны были автору¹⁰ и предполагались «достоверными». Степень этой «достоверности» зависит от выработанных критических приемов. Каковы они были у Боккаччо и современных ему гуманистов, мы отчасти знаем¹¹: критика ощупью, зависимость от слова — и ошибок рукописи, вероятность, принятая за достоверность, если она рациональна и не противоречит общим взглядам. Нередко все ограничиваются сопоставлением нескольких показаний¹², либо отдается преимущество одному, по чисто личным соображениям: вероятным кажется напр., что Венера вышла замуж за Вулкана, прежде чем за Адониса¹³, не верится, чтобы Амалтея была тождественна с Деифобой¹⁴; сохранилась память об одном изобретении Памфилы¹⁵, об одном лишь храбром деянии Триарии¹⁶ — но, несомненно, они прославились и бóльшим, как напр. Европа, судя по

¹ Pio operi.

² В печатных изданиях (или уже в рукописях?) вставлена еще глава, по порядку предпоследняя (104): о Брунгильде. Она перенесена целиком из *De Casibus IX*, 1.

³ Гл. 85.

⁴ Гл. 99–102.

⁵ Гл. 103, 105.

⁶ *Perrarus rutilantium numerus.*

⁷ *Ignorantia rerum.*

⁸ *Circa opus suum nimia laborantem affectio.*

⁹ *Hortis, Studi*, стр. 111 след.

¹⁰ Валерий Максим, Юстин, Орозий, Плиний, Лактанций, Цицерон, Овидий, Вергилий с комментарием Сервия, Гигин, Солин, Мела, Макробий, Фульгенций, Витрувий, Ливий, Иосиф Флавий, Светоний, Тацит, *Scriptores Historiae Angustae*.

¹¹ С. выше стр. 89 след.

¹² Гл. 2, 28, 62, 100.

¹³ Гл. 7.

¹⁴ Гл. 24.

¹⁵ Гл. 42.

¹⁶ Гл. 94.

тому, что ее именем названа часть света и Пифагор поставил ей статую¹; уверенность в целомудрии Пенелопы заставляет отвергнуть противоположное свидетельство Ликофрона²; вопрос об отождествлении Флоры и Акки Лавренция разрешается и еще проще: так это, или нет, меня не интересует, говорит Боккаччо, верно одно — что Флора была женщина свободного поведения и богата³; говорят иные, что Минерва была не одна, одна, а несколько: с ними я охотно соглашусь, тем более будет знаменитых женщин⁴. — Когда дело заходит о богинях и героинях мифа, критика принимает субъективный характер, но это дело школы. — Если в Генеалогиях Богов Боккаччо понимает мифологию шире, допуская и натуралистическое толкование, то в книге об Именитых женщинах он чистый евгемерист. Эта разница освещений подсказана, очевидно, и чтением Лактанция, и самым содержанием труда: только при евгемеристической точке зрения в нем открывалось место для Юноны, Минервы, Венеры; все они смертные жены, чем-нибудь прославленные, увековеченные воспоминанием, возведенные в лике божества; миф есть результат забвения, поэтической аллегории; его символы толкуются рационалистически. Опс (она же Рея или Кибела) была дочерью Урана, могущественного между греками человека, но людское заблуждение и наущение дьявола сделали ее богинею⁵. Церера была властительницей Сицилии⁶; Минерва впервые объявилась при царе Огигесе, ее происхождение покрыто тайной, творила она многое, дотоле невиданное, почему у мудрых людей того времени и сложились басни; что родилась она без матери, из головы Юпитера. Ее изобретения побудили признать в ней богиню мудрости и соответственно изображать ее: свирепый взгляд⁷, ибо редко познается, что измышляет ум мудрого⁸; шлем на голове: так сокровенны его измышления; броня — ибо мудрый человек всегда вооружен против ударов судьбы и т.д.⁹ Венера уроженка Кипра¹⁰; Изиды или Ио, египетская царица, миф об ее обращении в корову — продукт искажения: дело идет об изображении коровы на корабле, на

¹ Гл. 9.

² Гл. 88: *Lycophron quidam novissimus poetarum ex graecis*. Сл. *Gen. Deor.*, I, V, с. 44: по Леонтию Пилату, ссылавшемуся на Ликофрона.

³ Гл. 62.

⁴ Гл. 6.

⁵ Гл. 3; сл. *Gen. Deor.* III, 2, где Опс — дочь Урана = Целия.

⁶ Гл. 5; сл. *Gen. Deor.* III, 4.

⁷ *Oculis torvam*.

⁸ *Eo quod raro noscatur in quam finem sapientis tendat intentio*.

⁹ Гл. 6; сл. *Gen. Deor.* I, II, с. 3 и I, V, с. 48.

¹⁰ Гл. 7; сл. *Gen. Deor.* III, 28; *Lact. Div. Inst.* I, 17.

котором удалилась Ио¹; соответственно толкуется и бык, унесший Европу². Ниоба точно окаменела с горя, потом стали рассказывать, что она окаменела в самом деле³; так объяснили себе и влияние красоты Медузы: такова была чарующая сила ее глаз, что на кого она взглянула милостиво, тот стоял недвижим, как бы не помня себя⁴; Эзон помолодел от радости, не от чар Медеи⁵; если о Цирцее рассказывается, что она обратила мужчину в зверей, то таких Цирцей много: таково действие сладострастия и порочности; Улисс, следовавший совету Меркурия, означает разумного мужа⁶. Флора, римская блудница, очутилась нимфой Хлорой, супругой Зефира, затем богиней Флорой⁷. — Все это наваждение дьявола: им объясняется прозорливость Манто, Кассандры⁸ — если это не божий дар, потому что еритрейская и кумская савиллы⁹, очевидно, излюблены были Богом.

Из четырех глав, посвященных средним векам, три воспроизводят народное, отчасти устное предание, без всякой попытки критики. Легенда о папессе Иоанне¹⁰, впервые объявляющаяся во второй половине XII-го века, перенесшая на римские отношения то, что рассказывалось о византийской патриархиссе, представлена у Боккаччо в особом пересказе, обличающем такое именно устное происхождение. В своих *De Casibus Virorum Illustrium* он повторил ее в ином изложении; одна мелкая подробность, касающаяся годов папства, видимо подтверждает мнение, что *De Casibus* окончен позже книги о Знаменитых женщинах: здесь сказано, что Иоанна правила церковью несколько лет¹¹, в *De Casibus*, что в течение двух лет, семи месяцев и нескольких дней. Выше¹² мы отметили такое же отношение текстов *De Claris Milieribus* и *De Casibus* в рассказе о Констанции; Боккаччо повторил народную, завязанную к своей партийности, легенду о королевне, насильно постриженной и затем извлеченной из монастыря, чтобы стать супругой императора Генриха VI. Так рассказывали уже Данте и Фацио дельи Уберти; Боккаччо лишь усилил краски: Констанции был 30-й год, когда

¹ Cui vacca esset insigne, с. 8. Сл. *Gen. Deor.* V, 46. Сл. *Lact. Div. Inst.* I, с. 11: то же об Isis = Ио.

² Гл. 9; сл. *Com. ed. Milanesei v. I*, стр. 437; *Lact. Div. Inst.* I, 11.

³ Гл. 14; сл. *Gen. Deor.* XII, 2: статуя Ниобы естественно покрывается влагой от осадения паров; отсюда и миф.

⁴ Гл. 20; сл. *Gen. Deor.* X, 10.

⁵ Гл. 16; сл. *Gen. Deor.* XIII, 25.

⁶ Гл. 36.

⁷ Гл. 62; сл. *Gen. Deor.* IV, 61; *Lact. Div. Inst.* I, 20.

⁸ Гл. 28, 33.

⁹ Гл. 19, 24.

¹⁰ Гл. 99.

¹¹ *Aliquibus annis.*

¹² Сл. выше стр. 213.

она вышла замуж, у него она очутилась 55-тилетней, морщинистой старухой. — остается еще рассказ о Гвальдраде, исторически неточный в том смысле, что Гвальдрада была уже замужем, когда явился во Флоренцию Оттон IV-й, и не могла быть им помолвлена за графа Гвидо; но такое именно смешение встречается уже у Джованни Виллани, Боккаччо слышал легенду от Коппо ли Боргезе Доменики, на которого ссылается, повторяя в Комментариях к Божественной комедии¹ рассказ *De Claris Mulieribus*².

От приемов критики перейдем к изложению. Оно неровно, потому что для подробного рассказа, который обещал Боккаччо, не всегда хватало материала; в таких случаях он прибегал к внешнему развитию, параллелизму, накоплению риторических вопросов, речей³ и морализаций. Он наивно раскрывает нам тайны своего ремесла в главе о супругах Мениев⁴: кроме одного великодушного подвига ничего не сохранила о них завистливая судьба, говорит он, но я употреблю все силы и какое могу искусство, чтобы достойно восхвалить память безымянных! И он украшает стилистически небольшую тему: о любящих женах, освободивших своих мужей, заняв их место в тюрьме. Подобные мелкие, чувствительные или героические темы дают содержание целым главам: Сульпиция тайно убегает из под присмотра матери, чтобы соединиться с изгнанным супругом⁵; Юлия умирает, увидев одежду мужа, обгавленную жертвенной кровью, и вообразив, что муж убит⁶. Попытки характеристики редки⁷, за то Боккаччо идет на встречу эпическому развитию, если найдет его в своем сюжете или воспоминаниях. Так с любовью рассказана старая легенда о Пираме и Тисбэ⁸; в анекдоте анекдоте из Иосифа Флавия, напоминающем одну из новелл Декамерона⁹, автор ощутил ощутил себя прежним новеллистом: Паолина — целомудрая красавица, но простушка до смешного¹⁰, отвергает любовь ухаживавшего за нею юноши Мунда, который пользуется ее простосердечием, чтобы овладеть ею. Она особо почитала Анубиса, храм которого ежедневно посещала; жрец, закупленный Мундом, вещает ей однажды, что

¹ Ed. Milanese v. II, стр. 434—6.

² Hortis, Studi, стр. 104 след.

³ Речь Ветурии в гл. 53.

⁴ Гл. 29.

⁵ Гл. 83.

⁶ Гл. 79.

⁷ Сл. гл. 85: Ирод и Мариамна.

⁸ Гл. 12.

⁹ Дек. IV, 2.

¹⁰ *Ridicula simplicitate sua.*

Анубис, довольный ее благочестием, желает побеседовать с нею в храме наедине¹. Паолина, возомнив себя святою, верить этому, уверила в том и недалекого мужа²; в храме ее, сонную, будит своими поцелуями Мунд-Анубис. Разве небожители могут, и у них в обычае смешиваться со смертными? спрашивает Паолина; Мунд отвечает указанием на Юпитера и Данаю, от которой родился Персей, взятый впоследствии на небо — и Паолина соглашается. Уже супруг радостно поджидает рождение бога — но Мунд неосторожно выдает себя: рассчитывая на то, что Паолина и впредь будет принадлежать ему, если узнает, что он овладел ею хитростью, он как-то раз шепнул ей: Радуйся Паолина, что зачала от меня — бога Анубиса! Вышло однако не то, на что он рассчитывал, Паолина все рассказала, и Мунд и жрецы поплатились³.

Очевидно, это один из тех рассказов, где «шипы» всего гуще заслонили искомый в них цветок. Другой, также доразвившийся до новеллы, но скромный рассказ о Гвальдраде⁴ принадлежит флорентийской истории: император Оттон IV любит красотою и скромным видом Гвальдрады, хвалит ее отцу, а тот отвечает, улыбаясь: Какова она ни на есть, государь, а коли угодно твоей милости, она тебя поцелует. Девушка смутилась, встала и, зардевшись, едва вскинув глазами на отца и тотчас же потупив их, сказала: Не говори того, отец, ибо клянусь, никто, разве силой, не добьется того, что ты щедро предлагаешь, кроме человека, с которым ты соединишь меня законным браком. Император, хотя и варвар-германец⁵, удивлен ответом девушки, девушки, хвалит ее негодование и тут же обручает ее с одним именитым юношей, щедро наделив ее приданым.

Главы 103 и 105 говорят о лицах и событиях, которых Боккаччо был свидетелем или о которых слышал от современников. Впрочем, глава о королеве Джованне⁶ не столько биографический очерк, сколько панегирик⁷; глава 103 рассказывает о победе флота короля Роберта над сицилийским, причем взят был в плен Роланд, побочный сын короля Сицилии Фридриха. Других пленников выкупили, его забыли; в Мессине жила тогда богатая вдова Камиола, родом из Сиэны, она сжалилась над юношей, но для сохранения своего достоинства, ей не было другого средства выкупить его, как предложив ему вместе с тем и свою руку. Он согласился и даже обручился с ней через

¹ Per quietem.

² Stolidior conjugē.

³ Гл. 89.

⁴ Гл. 101.

⁵ Nedum germanica obsistente barbarie.

⁶ Гл. 105.

⁷ Сл. выше т. I, стр. 388–9.

прокуратора, но по выходе из тюрьмы уклонился от брака, как будто о нем не было и речи. Камиола уличила его в присутствии судьи, сославшись на подпись и свидетелей. Он сознался в своей вине, но когда побуждаемый и укореняемый друзьями и братьями, стал упрашивать Камиолу совершить свадьбу, она ответила ему презрением, в пространной речи, в которой Боккаччо показал свое риторическое искусство: Я благодарю Бога, что познала тебя прежде, чем стала твоей женой, говорит она; ты полагал, что, забыв свое положение, я позарилась на царственного юношу, на твою красоту, и согласился быть моим мужем, чтобы потом наглумиться надо мною. Теперь твое коварство обнаружено, всем стало ясно, можно ли довериться тебе, чего от тебя надеяться, чего бояться; я потеряла золото, ты честь, я надежду, ты любовь короля и друзей. Не воображай себе однако, что я пожелала выкупить тебя ради тебя самого: меня побуждала к тому и память благодетелей, оказанных твоим отцом моему — если отцом твоим был в самом деле блаженной памяти король Фридрих; только мне не верится, чтобы у столь именитого властителя был такой недостойный сын. Сознаюсь: не пристало мне, простой женщине — вдове, иметь мужем королевича, красивого, статного юношу; но скажи, куда делись все эти преимущества, когда ты, забытый всеми, пребывал в неволе? Тогда я казалась тебе достойной не только тебя, но и бога. Теперь ты забыл об этом, а ведь я — та же Камиола, выкупившая тебя из плена. Да, я не царского рода, но с детства¹ водилась с царскими женами, немудрено было проникнуться их нравами: этого достаточно, для благородства². Но я облегчу тебе то, в чем ты ставил мне затруднения. Ты был моим и отрицался того; теперь пусто останется за тобой твое царское величие, запятнанное обманом³, твоя юношеская сила и брменная красота; я довольна своей вдовьей долей, и богатства, дарованные мне Богом, достанутся более достойным наследником, чем те, которых я имела бы от тебя.

Речь Камиолы может дать понятие о той стилистической обработке, какую получал в руках Боккаччо избранный им сюжет, какого бы он ни был происхождения, вычитанный или воспринятый по слухам. О Камиоле ему, очевидно, рассказали сведущие люди, во флоте короля Роберта были не только солдаты⁴, но и волонтеры из народа; «поверь мне в этом»⁵, говорит Боккаччо. И в других биографиях видны следы воспоминаний и уверенности современника, очевидца: гору в Италии, где будто бы

¹ Ab incumabulis.

² Quod satis est ad nobilitatem assumendam regiam.

³ Infidelitatis.... nota foedata.

⁴ Conductus miles.

⁵ Mihi crede.

жила Цирцея, мы до сих пор зовем Monte Circeo¹; римский обычай, освященный преданием о матери Кориолана: вставать, когда проходят женщины, держится и теперь²; описание портретного изображения императрицы Фаустины на сохранившихся поныне монетах свидетельствует о личном впечатлении: нет выражения³, движения глаз, живых красок лица и улыбки, но очертания говорят о прежней красоте⁴.

Точка зрения, определившая выбор именитых женщин, уже знакома нам из введения⁵: более известные, чем славные; в гл. 48-й Боккаччо подтверждает ее снова по поводу истории Лезны: он имеет в виду не одних только целомудрых жен, но и вообще славных; к тому же мы так обязаны чтит доблесть⁶, что не только восхваляем ее, когда он пребывает в достойном месте⁷, но должны поставить ее в подобающий ей свет, когда она погрязла в пороке — ибо она всегда драгоценна, и порок не сквернит ее, как грязь не пачкает осветивший ее солнечный луч⁸. Потому, если мы обречем ее в человеке, преданном позорному занятию⁹, нам следует порицать занятие, не умаляя хвалы доблести, тем более достойной удивления, чем менее мы ее ожидаем.

Согласно с этим у Боккаччо более славных женщин, чем добродетельных. Особые похвалы расточаются целомудрию¹⁰, женской стыдливости, девственности¹¹, супружеской¹² и сыновней любви¹³, величию духа, смелости и решимости, мужеству¹⁴, перед которыми иные мужчины оказываются «зайцами в шлемах»¹⁵: таков богатырский тип Пентезилеи¹⁶ и блестяще развитой, воинственной и целомудренной Зенобии¹⁷; Дидона на языке финикийцев то же, что *virago*¹⁸. Всюду моментом сравнения являются мужчины: того бы не совершить и мужчине — лучшая похвала женщине; если благодаря своему дарованию, искусству или божественному наитию женщина

¹ Гл. 36; Gen. Deor. IV, 14; De Montibus a. v. Appenninus и Circes.

² Гл. 53: quod nostra in patria ritu veteri servatur hucusque.

³ Oris habitus.

⁴ Гл. 96.

⁵ Сл. выше стр. 216–17.

⁶ Adeo virtuti obnoxif sumus.

⁷ Insigni loco consitam.

⁸ Сл. Дек. заключение автора: «слова и не особенно приличные не могут загрязнить благоустроенный ум, разве так, как грязь марают солнечные лучи»; сл. пер. II, стр. 333.

⁹ Detestabili officio.

¹⁰ Гл. 38, 40, 46, 51, 61, 65, 71, 78, 98.

¹¹ Гл. 19, 28, 37, 64.

¹² Гл. 27, 29, 76, 79–81, 92, 94.

¹³ Гл. 15, 60, 68.

¹⁴ Гл. 31, 50, 59, 68—70, 75, 85, 88, 91, 101.

¹⁵ Гл. 80.

¹⁶ I. c.

¹⁷ Гл. 98.

¹⁸ Гл. 40.

достигает великого (говорится по поводу Амалтеи), то мужчины, богато ко всему одаренные, могли бы достигнуть до божества, если бы совлекли малодушие¹.

Особую группу славных женщин составляют изобретательницы: Церера², Минерва³, Изида⁴, Арахна⁵, Никострата или Кармента⁶, Памфила⁷. Благодеяния Цереры, Цереры, впервые выведшей людей из звериного быта в течение культуры, вызывают вопрос: хвалить ли ее за то или осудить? Взвешиваются хорошие и худые стороны культуры и «золотому» веку дается перевес: Это та же пессимистическая точка зрения, как в Амето, в рассказе Адионы⁸. Вместе с тем изобретение Карментой грамоты вызывает похвалы, о ее благодеяниях говорится так же восторженно, как в *De Casibus Virorum Illustrium*⁹ о значении человеческого слова¹⁰; это — специальная заслуга латинян Италии, ее не отнимет ни германская хищность (*rapacitas*), ни галльская дерзость (*furor*), ни английское коварство (*astutia*), ни жестокость (*forocitas*) испанцев: латиняне первые изобрели начала грамотности, и чем далее она распространяется, тем более растет слава их имени.

И далее идеал золотого века и первобытной невинности меркнет перед прославлением поэзии и искусств: Саффо посвятила себя поэзии, блеск которой выше сияния царских венцов¹¹, Марция, презрев женские занятия¹² и избегая безделья, отдалась живописи¹³, как и Тамирис¹⁴, и Боккаччо превозносит их в сравнении с женщинами, интересующимися только веретеном и корзиной¹⁵, воображающими, что они созданы для тунеядства, мужских объятий и рождения детей, тогда как, позанявшись и поработав¹⁶, они могли бы сравняться с знаменитыми мужами. Это сказано по поводу поэтессы Корнифиции¹⁷ и повторено в похвале другой поэтессе

¹ Гл. 24.

² Гл. 5.

³ Гл. 6.

⁴ Гл. 8.

⁵ Гл. 17.

⁶ Гл. 26; сл. *Gen. Deor. I. V, 61*: по Теодонцию и Леонтию Пилату.

⁷ Гл. 42.

⁸ Сл. выше т. I, стр. 278—9.

⁹ VI, 13.

¹⁰ Сл. выше, т. I, стр. 494—5.

¹¹ Гл. 45.

¹² *Aspernatis muliebribus ministeriis*.

¹³ Гл. 64.

¹⁴ Гл. 54.

¹⁵ *Equidem laudabile plurimum, si prospectemus fosos et calathos aliarum.*

¹⁶ *Si stadiis insudare velint.*

¹⁷ Гл. 84.

Пробе¹: она могла бы удовлетвориться, судя по обычаю женщин, прялкой, иглой и тканьем², но священные занятия³ освободили ее ум от ржавчины косности, и она сподобилась вечной славы⁴; пусть поучатся у ней те, которые предаются сладострастию сладострастию и безделью, которым кажется делом, что, сидя на постели, они проводят время в глупых рассказах⁵, с утра до вечера занимаясь пустой болтовней и злословьем⁶. злословьем⁶. Пусть продумают, что лучше: снискать ли славу похвальными делами, либо похоронить свое имя вместе с телом, прожив, будто не жили?

Остаются жены, славные не добродетелью: Медея, страшный пример древнего коварства⁷, героини сладострастья, красивые, не знающие стыда⁸, вроде императрицы Фаустины, причтенной к лику богинь, «дабы божественность восполнила ущерб разврата⁹», или Семиамиры, когда-то продажной женщины¹⁰, впоследствии «священнейшей матери» императора¹¹: жестокие¹², «чудовищные»¹³, жадные и стяжательные¹⁴, в которых не знаешь, чему более удивляться: смелости или преступности¹⁵. С Гекубой¹⁶ мы выходим из области деятельного героизма: она показательница несчастной доли¹⁷, Паолина интересна лишь своей смешной наивностью¹⁸, Мегулия Дотата не по себе, а щедростью своих родителей¹⁹. Здесь понятие славы незаметно переходит к более скромному понятию известности, хотя бы анекдотом.

Предупреждая читателя, что понятие славы шире границ доблести, Боккаччо поспешил оградить себя от возможных нареканий: ему придется говорить о пороках, но он будет морализовать. За исключением нескольких общих мест о вреде

¹ Гл. 95.

² Colus et acus atque textura.

³ Sedula studiis sacris.

⁴ In lumen evasit aeternum.

⁵ Fabellis frivolis.

⁶ Sermones.... nocuos aut inanes blatterando deducere.

⁷ Гл. 16.

⁸ Гл. 35, 77, 86, 93.

⁹ Гл. 96.

¹⁰ Inhonesta.

¹¹ Гл. 97.

¹² Гл. 49.

¹³ Гл. 90.

¹⁴ Гл. 26, 77, 86.

¹⁵ Гл. 34.

¹⁶ Гл. 32.

¹⁷ Miseriarum certissimum documentum.

¹⁸ Гл. 89.

¹⁹ Гл. 52.

любостязания¹ и о щедрости², о неправедных судьях³ и несчастной жажде власти⁴, вся остальная морализация касается женщин, выражая, в положительной и отрицательной своей части, взгляды автора, пережившего или еще переживавшего тревожное время Корбаччо. Иные выходки, выражения прямо напоминают этот памфлет. Общая точка зрения та же: женщина не совершеннее мужчины⁵; тем выше их заслуга, если они сумели освободиться от прирожденных им свойств: у них ум неповоротливый⁶, они ветрены⁷ и жалостливы⁸, созданы для него, не для власти⁹, не щедры¹⁰, подозрительны¹¹, упрямы¹², болтливы¹³, когда в обществе им подобало бы хранить молчание, и лишь в необходимых случаях похвально бывает украшенное слово¹⁴.

Что в книге о женщинах вопросам любви и смежным с ним отведено первенствующее место — это естественно. Но куда девались идеализация любви, с ее культурной, одухотворяющей силой, которая в иных рассказах Декамерона скрадывает ее физиологическую подкладку! Только поэтическая легенда о Пираме и Тисбэ¹⁵ окружена симпатиями: история двух влюбленных, привязавшихся друг к другу еще с детства и с годами переходящих от привязанности к страсти, как герои Филоколо; излишняя охрана со стороны родителей девушки приводит и ее и Пирама к трагической развязке. У кого столь каменное сердце, чтобы не пролить над ними слезу? спрашивает Боккаччо. Они любили друг друга и не заслужили своей кровавой доли: любовь — грех плоти, не заслуживающий порицания в людях, не связанных браком¹⁶: ведь они могли ступить в брак; виновата злая судьба, может быть, родители; обуздывать порывы молодых людей надо осторожно¹⁷, дабы, подействовав внезапно, не увлечь их к отчаянию и гибели — ибо силы любовной страсти непомерны, это точно недуг, порок

¹ Гл. 20, 26, 77.

² Гл. 67.

³ Гл. 56.

⁴ Гл. 49.

⁵ Гл. 24, 55 в конце, 91 и *passim*.

⁶ Гл. 57; *tardissimum*.

⁷ Гл. 1, 101.

⁸ Гл. 63.

⁹ Гл. 14.

¹⁰ Гл. 67; *tenacitas*; сл. 27, 77.

¹¹ Гл. 72.

¹² Гл. 74.

¹³ Гл. 91.

¹⁴ Гл. 82: *decora.... loquacitas*.

¹⁵ Гл. 12.

¹⁶ *Florentis aetatis amor crimen est, nec horrendum solutis crimen*.

¹⁷ *Sensim*.

юношеского возраста, но порок благой¹, который надо терпеть; недаром сама природа так устроила, ввиду поддержания человеческого рода, что мы стремимся к плотскому акту в цветущих годах, не в старости.

И так любовь — естественный порок юности, ее единственная цель — произведение потомства²; что вне этого, то лишнее, порок и греховная страсть, совращающая к злу. Между любовью и сладострастием³ нет, в сущности, разницы: они вселяются в сердца девушек и юношей, живущих в удовольствиях и безделье, ибо Амур бежит от всего серьезного и строгого⁴; любовь сломала даже Алкида, сделав его женоподобным, против нее надо вооружиться, ибо она не является без желания: надо воспротивиться ей в самом начале, обуздать глаза, дабы они не видели, заткнуть уши наподобие аспида, подавить сладострастие постоянной работой. Кто не остерегается, к тому она подходит тихо и нежно; воспринятая, ласкает надеждой, внушает вкус к нарядам, изощряет нравы и остроумие⁵, заставляет любить танцы, песни, игры, пиры и т.п. Овладев всем человеком, она опутывает его свободу, вызывает сетования, когда надежды не осуществились, побуждает к хитростям, не различая между порочным и добродетельным, лишь бы достигнуть желаемого, и считая враждебным себе все, что тому перечит. И вот, объятый пламенем любви, человек мечется без устали: стремится увидеть любимый предмет и чем более видит, тем более пылает, и так как раскаянию нет места, являются слезы и ласковые моления, призывают посредниц, обещают, дают и сорят, обманывают стражей, и бессонные ночи помогают взять приступом оберегаемое сердце⁶. Тогда бегут стыд и честь и Церера и Вакх призывают страстную Венеру. Но с этим не всегда умяется пыль, напротив, доходит нередко до безумия: забывается достоинство, достояние расточается, являются ненависть и опасность для жизни, распри, перемежающиеся недолговечным миром, подозрения и враждебная душе и телу ревность. Либо вождление не удовлетворено, тогда неразумная любовь накапливает заботы и желания и невыносимые муки, против которых нет иных средств, кроме слез и жалоб и смерти; обращаются за помощью к старухам-знахаркам⁷, к халдеям⁸,

¹ Adolescentium fere pestis et come flagitium.

² Гл. 98; сл. Ameto, стр. 35: Sempre fuggendo quanto pub l'arguta — Yoglia del generare, a qual s'accende — Quanto concede la regola avuta.

³ Гл. 2: libido.

⁴ Гл. 21: Gravitatis.... spretor.

⁵ Mores compositos, facetias urticas.

⁶ Septa vigiliis captuntur corda.

⁷ Aniculae.

⁸ Chaldaei.

испытывают силы трав, заговоров и чар¹, ласки обращаются в угрозы, уготовляется насилие, осуждается неудавшееся наслаждение и нередко бешеная страсть доводит до петли и меча. Такова то сладость любви, которой нам подобало бы бежать, а мы чтим ее, как божество, принося ей в жертву наши слезы и вздохи, венчая ее нашей скверной². Бежать, закрыв глаза: не для того дана им защита — веки, чтобы закрывать их от солнца, а чтобы уберечь от вредных впечатлений³. Ибо красота заразительна: хотя старость и незначительный недуг ее и портит, но женщины видят в ней одно из своих преимуществ, многие, по безрассудному мнению смертных, ею главным образом красовались — и Боккаччо намерен говорить о ней в биографиях знаменитых женщин, говорит по поводу Еввы⁴ и Медузы⁵, особенно Елены⁶: она так была прекрасна, что самому Гомеру, не то что другим, пришлось изошрить свой ум, чтобы достойно описать ее; тщились то сделать многие живописцы и ваятели, между ними знаменитый Зевксис: он изобразил ее, руководясь описанием Гомера и тем, что повествовала о ней повсеместная молва, и выбрав в красивейших мальчиках и девушках, что в них было наиболее изящное, воплотил все это в один образ, едва ли достигнув своим искусством того, чего желал. И не мудрено: какая кисть или какой резец передаст веселье ласкового взгляда⁷, небесную улыбку, изящные выражения лица, отвечавшие речам и движениям? движениям? Все это может создать одна лишь природа, художник сделал, что мог, оставив потомству как бы образ божественной красоты⁸. Отсюда остроумные⁹ люди сложили басню: звездный блеск очей, дивная белизна лица, золото роскошных волос, спадающих на плечи капризными кольцами¹⁰, чарующая мелодия голоса, уста, что киннам и роза, сияние чела, белоснежная шея, возникающая из невиданной прелести персей — все это вызвало рассказ, что Елена — дочь Леды и превратившегося в лебедя Юпитера, ибо кроме красоты, унаследованной от матери, у нее было еще нечто божественное, чего не удавалось выразить ни кистью, ни красками.

В Боккаччо проснулся на мгновенье не только «знаток женщин»¹¹, но и

¹ Carminum et maleficorum.

² Obacoenitatum nostrarum coronas immittimus.

³ Гл. 16.

⁴ Гл. 1.

⁵ Гл. 20.

⁶ Гл. 35.

⁷ Laetitiam oculorum, totius oris placidam affabilitatem.

⁸ Tamquam coeleste simulacri decus.

⁹ Acutiores.

¹⁰ Petulantibus... cincinnis.

¹¹ Corbaccio: conoscitore delle femmine.

художник, в сердце которого отозвался l'hymne mélodieux de la sainte Beauté¹; он видимо засмотрелся на пластические красоты ЕленыЮ но тотчас же спасается в мораль Франческо да Барберино и обуздание глаза. Целомудренная жена — та, которая глядит не далее своего подола, ведет лишь скромные речи, притом мало и во время, бежит от безделья, как от врага, от пиров, ибо без Вакха и Цереры цепенеет любовь; от песен и плясок, ибо в них стрелы сладострастья. Она бережлива и воздержана, печется о доме, затыкает уши от нескромных разговоров², воздерживается от гулянок³, от притираний и и духов и излишних нарядов, и попирая вредные мысли и вожделения, помышляет о божественном, любя всем сердцем одного лишь мужа, да и ему отдаваясь не без стыдливости и краски стыда⁴. Панегирик супружеской любви (т.е. любви жены к мужу)⁵ дополняет этот образ идеальной жены, каких мало, каких нет.

Это открывало широкое поле обличениям: исчезла старая простота нравов, святая нищета; все, даже простолюдины, отдались роскоши, гоняются за большими придаными⁶, состояние мужей уходит на наряды жен: не ладно поступил римский сенат, сенат, дозволив им рядиться, чтобы почтить Ветурию; вредный обычай пережил века, но что делать? Миром властвует женщина, мужчина ее собственность⁷. Многое можно было бы сказать о женской распущенности, коварных ласках и слезах — гибельнейшем яде для тех, кто им верит, но я пишу историю, не сатиру, говорит Боккаччо⁸ — и невольно пускается в сатиру. Поппея Сабина кокетничает, как в Корбаччо⁹: она знает, что на нее любят, и показывается в фате не для того, чтобы скрыть ею то, чем хотела бы возбудить вожделение, а дабы не удовлетворить глаза излишнею откровенностью и раздражить желание¹⁰. Как в Корбаччо¹¹ разработан ювеналовский мотив: когда дело идет о муже, жена, оказывается, всего трусит: и морской болезни, и путешествий, ее пугают рев быка и шорох мыши; иное дело любовник, тут она готова на все¹². Женский «сенат» Семиамиры, в котором решались серьезные вопросы, как кому одеваться, кому

¹ Leconte de Lisle, Hypatie.

² Гл. 65: obscenis confabulationibus.

³ Circuitionibus.

⁴ Гл. 65.

⁵ Гл. 29, 83, 94; сл. выше стр. 227, прим. 8.

⁶ Гл. 52.

⁷ Гл. 53: muliebris est mundus, sic et homines muliebres.

⁸ Гл. 93: ne viderer satyram potius quam historiam recitasse.

⁹ Сл. выше стр. 37.

¹⁰ Гл. 93.

¹¹ Сл. выше стр. 24.

¹² Гл. 83: nauseam timent... expallent bovis forsan audito mugitu. Сл. гл. 94: nedum feminas (quibus ut plurimum mos est etiam diurno muris murmure in sinu conjugis exanimari).

уступать дорогу, перед кем вставать и т.д.¹ напоминает такой же потешный синклит мадонны Чангеллы², а похвала целомудрию вдов и грозные проповеди против повторенных браков³ едва ли не стоят в связи с личными мотивами Корбаччо.

Но всегда ли виновна женщина, во всем ли женская слабость? Есть родители, отдающие в монастырь девочек или и взрослых дочерей, не спросившись их, в полном убеждении, что это будет им во спасение души. Они поступают, как скупцы, утаивающие у дочерей часть их приданого, и заставляют их испытать, что сами не в состоянии было бы перенести. Точно они не знают, что безделье — союзник Венеры, что невольные затворницы станут завидовать даже продажным женщинам, что глядя в миру на свадьбы и празднества, на пляски и наряды, они будут проклинать и родителей и схиму, помышлять о побеге, о тайном любовнике? Таково-то благочестивое настроение, таковы возносящиеся горе молитвы, если не у всех, то у многих из них. Не девочек следует отдавать в монастырь, не без их сознания и не против воли, а взрослых, воспитанных в добрых нравах, сознательно исполняющих обет девственности. Таких мало, но это лучше, чем осквернять божий храм множеством распутниц⁴. «Добрые нравы» ставят для девушки ту же программу воздержания, как и для женщины⁵; и здесь много зависит от родителей, особенно матерей: роскошная жизнь дома, слабость родителей к детям, — нередко бывает причиной их падения⁶, ибо как ни сильны врожденные, естественные наклонности, в юности они так поддаются влиянию, что из них можно сделать все, что хочешь⁷.

Из книги: Веселовский А.Н. Боккаччо, его среда и сверстники: Том 2. — СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1893-1894. стр. 214-237.

¹ Гл. 97.

² Сл. выше стр. 84.

³ Сл. особенно гл. 40; гл. 55, 87, 92.

⁴ Гл. 43: *multitudine illecebri*.

⁵ Гл. 37.

⁶ Гл. 48.

⁷ Гл. 77.